

О ВСЯКОМ времени можно сказать по-разному. Откройте старые книги и прочтите: в наш век, когда... И далее про наивность и практицизм, ум и умничанье, жажду нацифтельности и бессребреничество, суету и мудрость... Очевидно, из каждой эпохи можно выбрать то и то.

В конце двадцатого века я выбираю энтузиазм и самодеятельность как нормальное (долженствующее быть нормальным) человеческое самосознание. Оно повсюду, стоит только взглянуть. На этот раз совпадают с самодеятельностью напрямую.

ИЗ ЗАПИСОК посетителей: «Огромное спасибо!!!». «Спасибо за правду». «Вы пробуждаете любовь!»

Свидетельствую: в крохотном полуподвале дома 125 по проспекту Вернадского, где живет «Театр-студия на Юго-Западе», ежевечерне (почти) происходит удивительное. Жар актерских сердец соединяется с ответным жаром сердец зрительских. Чудо театра соединяется с чудом самоотдачи — с той и с другой стороны. И радость велика.

Мое первое впечатление был «Мольер» по пьесе М. Булгакова «Кабала святош». Пришла — любопытствующая. Ушла — зараженная, заряженная: правда, здорово, что она есть. С самого начала выяснился уровень театра. Скупость режизита, скупость средств предельная. Зато постановщик «поворачивал» маленький квадрат сценического пространства, как хотел. То есть, конечно, пространство оставалось неподвижным — движение достигалось игрой света. Сноп света бил из боковой кулисы: Мольер со своими актерами устремлялся туда на поклон королю и публике. Боковой свет убирал: мы рассматривали Мольера крупно, близко, наедине. Ритм и темп были поразительны. Мы яростно вовлекались в страдания и страсти булгаковского персонажа. Главную роль играл Виктор Авиллов, шофер по первой и основной профессии. Побольше таких шоферов, сказала бы я! Актерский темперамент богатейший. Тонкий, гибкий, подвижный Мольер — портретное несходство? Сходство, проникновение в глубины души художника шло по острой внутренней линии. Мольер, активный, щедрый, работающий и живущий на пределье самосгорания и — сгибающийся под тяжестью зависимости от тех, кто диктовал его искусству, его театру, от кого зависела самая его жизнь. Самое замечательное, что мы не были спокойными людьми со стороны. Мы были с ним и за него, против короля и святош, чья Кабала Священного писания были истине кабалой. Профессиональный театр не часто сегодня вызывает такие эмоции!

Валерий Белякович об актерах студии: «Сначала они ничего не знали. Что такое Станиславский, и не слышали. Как видите, услышали, узнали, научились».

Он и был человеком, от которого узнали, услышали, научились.

ПОЧЕМУ написала о ежевечернем празднике театра — почти? Потому что есть и неудачи. И есть несогласия с Беляковичем-режиссером. Эстетика — очень существенно. Существеннее, на мой взгляд, этика. В таланте первостепенно — какой человек.

Думаю, что Белякович — хороший человек. Это первое. И второе, что это крайне важно для дела, которое он делает. Ему тридцать четыре года. Он нашел себя. Его окружают друзья и последователи. Он счастливый человек. И он делает счастливыми других.

В театральное училище Валерия не приняли. После школы. После армии тоже. Не помогло и то, что он пришел с медалью «За воинскую доблесть» — спас командира

во время учений, и не по учебному спас, а по-настоящему: тянули связь зимой, и тот, с тяжелой катушкой, провалился под лед.

Валерий никем не хотел больше быть, только артистом. Но мать Клавдия Дмитриевна (семнадцатилетний председатель рязанского колхоза в войну, между прочим) посадила его напротив в кухне и сказала: «Надо учиться, сынок».

Он окончил пединститут и режиссерское отделение ГИТИСа, получив «красный диплом». Впервые диплом был выдан режиссеру, поставившему спектакль в самодеятельном театре.

Обязательно нужно отметить, что он собрал вокруг себя не милых, интеллигентных мальчиков и девочек (которые

всегда. Гоголь, Булгаков, Шварц, Шукшин, Олби, современные молодые авторы: психологический театр, политический театр, зрелищный... Но когда однажды задумался, о чем ставит, увидел, что, в сущности, об одном: о человеке и его свободе, о пределах этой свободы, о человечности. А проповедует он то, что исповедует. Ни малейшего зазора. Это тоже очень важно. Вера нового человека в театр, смотрит, чтоб пришелся ко двору, это главное: «Вижу, передо мной не тютю, а жизнь потеряла...» Не раз, говоря о своем детстве, повторил: «Тут детство человечества...» Стало быть, и наивность, и прямотушие, и чистота помыслов, и человеческое отношение к человеку, и нечужанье жиз-

Любить и верить

Портрет руководителя театральной студии

конечно же, также имеют право на внимание), — контингент был из тех, кто под рукой, из окрестной братвы? Собирается сам прожить полно и интересно и хотел такой же жизни для любых, для всех. Можно сказать, для первых попавшихся. И можно сказать, что первые попавшиеся отблагодарили его. Ну хорошо, сам он и его брат Сергей — из одной семьи: если одарен один, почему бы не оказаться одаренным и другому: гены. Но Авиллов! Но Трыков! Но Макаров! Тут уж гены ни при чем. Или во всяком человеке можно пробудить талант? Или Белякович обладает таким даром — пробуждать и раскрывать таланты? Тут тайна.

Итак, важно: с кем он играл. Важно: для кого играл.

Театральный дебют — «Беда от нежного сердца». В основу взяли старинные русские водевили. По ходу обогащали их злободневным содержанием. Было много юмора, юмор был грубым. Будучи сами «востряковской шпаной», они и представляли для «востряковской шпаны». В первый вечер в «театр», располагавшийся тогда в подсобке на втором этаже над винным отделом гастронома, ввалились пьяные молодцы? «Ну что тут показывают?» Белякович-старший стоял в дверях. Трудности момента заключалась в том, что все были знакомцы. «Выпивших в театре не будет», — твердо объявил руководитель. Молодцы полезли в драку. «Серый! Авилыч!» — крикнул Белякович с пола, чувствуя, как быстро набухает опухоль под глазом. Появились две дамы в длинных юбках, с выдающимися бюстами, и принялись молотить остолбеневших от изумления друзей. Так трагикомически это начиналось.

И сейчас в соседях у театра три пивных. Театр отбирает у них клиентуру.

ДВА СЛОВА про грубость и про нежность.

Белякович был идеалист-романтик. В армии смотрел на небо. Переписывал в тетрадку Маяковского, Пастернака, Мандельштама.

Однажды ушел с репетиции — не он, с ним репетировали, — молча, оскорбленный издевкой, нарочитым хамством. Вышел на улицу, плакал. Первый и последний раз. Потом запретил себе реагировать на такие вещи. Но в качестве урока — для себя, как самому с другими обращаться, — запомнил. Он и сам — на репетициях и вообще — не слишком-то нежен. Нет, внутри нежен. Снаружи — нет. Узнать человека не может. Это противно его натуре. Вообще противно. Он ставит то, что ему вра-

ни в самых грубых ее проявлениях — в контексте, а то и в программе.

По окончании ГИТИСа предложили ехать в Тольятти — нормальный профессиональный театр, зарплата, квартира. И три дня на размышление. Заманчиво. Сидел на кухне с матерью: «А как же Юго-Запад без меня?..»

ВАЖНО, что так же к общему делу относятся они все, друзья и единомышленники Беляковича. Авиллова, с его потрясающей внешностью, не раз приглашали сниматься в кино. Последнее предложение от Резо Чхеидзе — роль Дон-Кихота в союственной с испанцами четырехсерийной постановке. «Отказался. Конечно, они не ангелы, и иные соблазны трудно преодолеть. Но каждый понимает: от него зависит театр, наша общая судьба, наша жизнь. Студия жива, пока мы любим друг друга, пока мы нужны друг другу».

Строго говоря, ситуация театра на Юго-Западе не исключительна. Более того, типична для всякой студии. Есть для этого и слово: студийность. Но это несколько не умаляет ценности этого театра.

Человеку надо работать в окружении доброжелательных, верящих в него людей. Тогда ему хорошо работать. А когда ему хорошо работать, отдача огромна. Сейчас в театре 60 человек. 60 добровольцев — свет, костюмы, уборка и т. д. Но есть еще люди, которых объединил театр. Они организовались в худсовет не для того, чтобы, скажем, проверять, наблюдать, а чтобы помогать. Первый помощник и друг театра-студии — заведующая отделом культуры Гагаринского райисполкома, «хозяйка Юго-Запада» Лариса Михайловна Юрмина. Поверила, способствовала, защищала. И гордится результатами.

...В одном из домов на стене плакат: человек, выпекающий хлеб, внизу — стихи, четыре строчки о хлебе. Присмотрелась: да это же Валерий Белякович! Художник Александр Синицын попросил его «поработать моделью». Правильно. Есть в Беляковиче нечто, связанное с душевным и физическим здоровьем, с тем, что является коренным, основным, стало быть, в самом деле, с хлебом насущным.

Я перелистываю заявки предприятий. Их сотни. Хотят попасть в «Театр-студию на Юго-Западе» Верховный суд СССР, Всесоюзный кардиологический Центр, в/о «Экспорт-хлеб»...